

2. Арестова, О. Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О. Н. Арестова, Л. Н. Бабанин, А. Е. Войсунский // Вестник Московского университета. – 1996. – №. 4. – С. 14-20.
3. Тищенко, В. А. Барьеры общения в электронной коммуникации / В. А. Тищенко // Образовательные технологии и общество. – 2008. – Т. 11. – №. 2.
4. Михайлов, В. А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В. А. Михайлов, С. В. Михайлов // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб. – 2004. – С. 34-52.

УДК 74.01/09

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ: НЕДОПУСТИМОСТЬ МОРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Малиновская Т. И.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Проблема насилия вообще и психологического в частности становится все более актуальной в современном обществе. Огромное количество статей в СМИ посвящено этой проблеме. Понятие насилия является весьма неоднозначным и рассматривается разными областями знания: этика, юриспруденция, психология. Стоит отметить, что изначально в психологии чаще использовался термин «агрессия». Разница между этими понятиями существует, и играет существенную роль. Агрессия – это скорее эмоциональная реакция. И как эмоция она не подлежит оценке. Насилие – это действие. Причем действие, повторяемое неоднократно. Это применение силы, как его видит проигравшая сторона. Поэтому само понятие «насилие» уже содержит в себе негативный оценочный подтекст. «Он совершил насилие» и «он проявил агрессию» – фразы совершенно разного порядка. То, что человек проявил агрессию, – это естественно природе человека. И задача психолога – определить причины, условия и помочь скорректировать эмоции и поведение.

Понятие «агрессия» является предметом изучения психологии, а вот понятие «насилие» является оценочным и раскрывается в рамках этики или юриспруденции. Совершенный акт насилия – это сфера действия закона либо морали. Если закона – человек должен понести наказание. Если это законом не наказуемо, то остается суд собственной совести. Этика предполагает возможность оценки тех или иных действий человека на основе должностующего характера морали. Насилие в этике, безусловно, рассматривается как недолжное

поведение и осуждается. Но, наряду с этим, в этике существует и т. н. «парадокс моральной оценки», который разрешается нравственным требованием не судить другого человека. «Оно означает, что моральная оценка существует прежде всего и главным образом как самооценка. Моральный суд есть суд человека над самим собой. Этим он отличается от юридического суда и дополняет его. Деяние, за которое человек отвечает перед другими людьми по закону, именуется преступлением; то же деяние, когда за него человек отвечает перед собой, своей совестью, именуется злом (или грехом)» [1]. Тем самым осуждается и морализаторство, вред которого очевиден. Осуждение других с позиции долженствования указывает на рабскую психологию, в основе которой лежит чувство ressentiment – враждебность, бессильная зависть к более сильному и удачливому сопернику (врагу). Это одна из причин недопустимости моральной оценки в психологии, в т. ч. и по отношению к психологическому насилию.

Под психологическим насилием понимается оскорбление, унижение личности другого человека, попытки принуждения, угрозы, обвинение и ложь. Это может происходить между родителями и детьми, партнерами, друзьями, в деловых отношениях, т. е. психологическое насилие возможно, когда есть отношения. Но в психологии уже существует название для таких отношений. Это взаимозависимые отношения тиран-жертва.

Если психолог дает оценочные суждения феномену психологического насилия, а иногда и личности агрессора, то он неизменно попадает в ловушку моральной оценки. Он берет на себя роль морального судьи, который обозначает для жертвы (ведь тиран редко обращается к психологу) границы добра и зла. Запрет на оскорбление и унижение другого неуместен в психологии (в отличие от этики и права), если только он не обращен к самому себе. Жертва повышает свою самооценку за счет осуждения «злого» тирана, что только усиливает ее в позиции жертвы. Изменить это можно, если вместо морального осуждения другого начать работать над собой. Очерчивание собственных границ, готовность сказать «нет», любовь к себе и формирование ответственности. Жертва должна принять ответственность за свою жизнь и перестать перекладывать вину на тирана, общество, государство. Не жаловаться, не осуждать, а принимать ответственные решения и действовать. И здесь начинается сфера компетенции психологии – помочь человеку откорректировать свое поведение, основываясь на знании закономерностей функционирования психики.

Подводя итоги, можно отметить, что, во-первых, психологическое насилие является этически окрашенным термином. Сфера моральной оценки принадлежит этике, а не психологии. Соответственно, в психологии в принципе неуместны оценочные суждения, это право следует оставить за этикой. Во-вторых, использование моральной оценки не способствует оказанию терапевтической помощи жертве таких отношений, поскольку еще больше утверждает ее в этой роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, А. Р. Этика // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/etika-read-344191-16.html>. – Дата доступа: 21.01.2020.

УДК 101.1:101.8

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: НАРАСТАЮЩАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА

Мельникова Л. Л.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Выделение в структуре научного познания во II половине XX в. метатеоретического уровня означало появление принципиально нового понимания как сущности науки, так и ее социальной роли. Поскольку философские основания являются компонентом метатеоретического уровня научного познания, цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть роль философии в развитии современной науки и осмыслении процессов, происходящих в ней.

По отношению к науке философия выполняет важнейшую функцию – функцию методологической рефлексии. Именно философия позволяет вычленить в содержании конкретной научной теории схему мыслительной деятельности, т. е. свернуть теорию до метода. Философия дает возможность осуществить диагностику выявленного метода, установить его возможности и границы применения. И здесь не принципиально, кто осуществляет вычленение этих познавательных схем – философ-профессионал или философствующий ученый. Важно другое, что происходит переход от конкретно-научного дискурса к дискурсу философскому, позволяющему определить методологические нормативы, регулирующие и стимулирующие научную деятельность. История развития науки свидетельствует о том, что из методологического